

Сергей Свой

**Ганнибал Барка.
Гений
Карфагена - 2.
Цикл - "Герои
древнего Мира"**

18+

Сергей Свой

**Ганнибал Барка. Гений Карфагена
- 2. Цикл - "Герои древнего Мира"**

«Автор»

2026

Свой С.

Ганнибал Барка. Гений Карфагена - 2. Цикл - "Герои древнего Мира" / С. Свой — «Автор», 2026

Ганнибал, наш офицер спецназа в запасе, вселившийся в военного гения Карфагена, тезку, Ганнибала Барки, перевернул старую историю. Помня уроки отца-историка и данные по историям величайших сражений прошлого в военном училище, он разгромил Рим. Правда прибегнув к помощи знаний офицера спецподразделений о изготовлении взрывчатых веществ из подручных материалов и многое еще. Ну да ничего - лишь бы в прок шло!))) А во втором томе, уже Царь Ганнибал делает ... Ну, будет интересно - прочтете! Приятного и интересного проведения времени, дорогие читатели ! Эта история в 3-х томах.

© Свой С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Сергей Свой

Ганнибал Барка. Гений Карфагена - 2. Цикл - "Герои древнего Мира"

Глава 1

Глава первая: Верфь Царя Морей

Фундамент из обломков и стали

Рим больше не пах Римом. Воздух над Форумом, пропитанный столетиями крови, пота и ладана, теперь отдавал дымом, известью и расплавленным металлом. Древний город, еще недавно вопивший о гибели, затих, поглощенный монотонным грохотом молотов и скрежетом пил. Не сенаторы, а прорабы чертили на восковых табличках планы новых кварталов. Не глашатаи, а бригадиры выкрикивали команды разноязыким бригадам строителей. Здесь, на холме Авентин, откуда открывался вид на сердце завоеванного мира, Ганнибал, Царь Италийский, вдыхал этот новый запах — запах стройки. Он был ему милее всех благовоний Востока.

«Народ, превращающий мечи в орала», — вспомнились ему чужие, затерянные в глубинах памяти строки. Но он не был мечтателем. Его «орала» были стальными лезвиями плугов, впервые в истории выкованными из римских гладиусов в государственных кузнях Капуи. Его «мечи» — новое поколение «Горных драконов», с калибром в полтора пальма, отлитые из переплавленных бронзовых статуй побежденных консулов. Превращение было буквальным, и в этом был весь смысл.

Он стоял на просторном балконе, устроенном на месте бывшего храма Цереры, превращенного в штаб Ареопага Технэ и Логоса. Внизу копошился муравейник: иберы и галлы возводили стены из туфа, захваченного в тех же каменоломнях, что и век назад служили Риму; греческие архитекторы с циркулями и чертежами спорили о пропорциях; нумидийские всадники, непривычно чувствуя себя в роли курьеров и патрульных, носились по мощеным улицам, уже очищенным от трупов и обломков. Этот синтез, этот хаотичный, но целеустремленный симбиоз народов под его волей был первым и главным его изобретением, куда более сложным, чем любая взрывчатка.

— Царь. Он прибыл.

Ганнибал обернулся. У входа, не решаясь переступить порог, застыл Бери. Испанский гений подземной войны выглядел потеряннным на этом белом мраморном полу. Его руки, привыкшие к глине, камню и фитилям, были чисто вымыты, но под ногтями все равно виднелись несмываемые следы селитры и угля. После апокалиптического взрыва в Тарраконе, оставившего воронку на месте последнего оплота Рима, Бери словно истратил часть своей дикой души. Теперь он командовал не подрывными командами, а Департаментом гражданского строительства и горного дела — титул звучал для него чуждо и громоздко.

— Бери. Входи. Как дела с каменоломнями у Тибура?

— Идут, владыка. «Огнеплав» работает безотказно. Камень раскалывается, как перезревший гранат. Но... — Бери помялся.

— Но?

— Рабочие шепчутся. Говорят, что камень плачет, когда его поливают составом. Что это слезы Рима.

Ганнибал хмыкнул. Он подошел к столу, где лежала не карта, а схема — чертеж не корабля, а целого нового района. «Равнины Баала», названные так в его честь.

— Пусть плачут. Эти «слезы» построят им же новые дома, бани и акведуки. Дороги, которые свяжут Капую с Плаценцией не как завоевателя с покоренным, а как два города одной конфедерации. Ты не дробишь Рим, Бери. Ты переплавляешь его. Как мы переплавили их доспехи. Научи их не бояться «слез», а видеть в них новый фундамент.

Бери кивнул, не до конца убежденный, но безоговорочно послушный. Душа инженера, даже гениального, всегда была проще души правителя. С ним было ясно. Сложнее было с другими.

«Морской Ареопаг»: старые мастера и новые чертежи

Целью его выезда сегодня была не стройка, а верфь. Не та крошечная, что уютилась у Марсова поля, а грандиозная стройка, развернутая ниже по течению Тибра, там, где река делала широкий изгиб. Место было выбрано неслучайно: близость к морю, защищенность, бесконечные запасы леса из дубрав Этрурии. Еще за полчаса пути до цели в воздухе повеяло смолой, влажными опилками и тем особенным запахом морской гнили, который не спутать ни с чем.

Верфь, названная «Кузницей Нептуна» (он намеренно использовал римское имя, это была тонкая игра на ассимиляцию), была грандиозным организмом. Тысячи людей — бывшие римские гребцы, карфагенские корабли с опытом Первой войны, сиракузские инженеры, греческие плотники с Ионического побережья — трудились на стапелях. В воздухе стоял немислимый гул. Но Ганнибала встречала не рабочая какофония, а тихий, сосредоточенный гул дискуссии.

Под огромным навесом из парусины, в окружении полумоделей, чертежей на пергаменте и восковых табличек с расчетами, заседал «Морской Ареопаг». Десяток лучших умов Средиземноморья, которых удалось собрать, выкупить или принудить к сотрудничеству. В центре, споря с каким-то седым греком, жестикулировал Калликрат, начальник разведки Ганнибала. Бывший купец знал все морские пути и всех, кто по ним ходил.

— Царь! — Калликрат первым заметил его и прервал спор. Все остальные, кроме одного, поспешили склонить головы. Тот один, греческий геометр по имени Гиппократ (не врач, а механик с Родоса), лишь прищурился, оценивая нового владыку мира.

— Продолжайте, — кивнул Ганнибал, подходя к центральному столу. На нем лежал огромный чертеж. Не привычная трирема или даже пентера с их сложным, многоярусным расположением весел. Это был чертеж корабля, который должен был перевернуть все.

— Мы спорим о балансе, о Баал милостив! — выпалил старый карфагенский мастер, чье лицо было изрезано морщинами и шрамами не меньше, чем морскими путями. — Этот... этот уют! Он не пойдет! Паруса твои, царь, слишком высокие! Мачта одна, но толщиной с храмовую колонну! Где гребцы? Где ярусы? Как он будет маневрировать в бою?

На чертеже был «Титан». Судно с глубоким килем, длинным и узким корпусом, несущим три могучих мачты с системой прямых и косых парусов. Контуры его были смутно знакомы Ганнибалу из глубокой, книжной памяти его прошлой жизни: прообраз клипера, перехваченный у галеона. Корабль для океана, а не для каботажного плавания по уютному Средиземноморью.

— Он не будет маневрировать в строю трирем, Филон, — спокойно сказал Ганнибал, касаясь пальцем линии киля. — Он уйдет от любой триремы. Его стихия — не узкий пролив, а открытое море. Не неделя, а месяцы автономного плавания. Его задача — не таран, а груз и дальность. — Он посмотрел на грека Гиппократа. — Расчеты остойчивости?

Грек молча пододвинул восковую табличку, испещренную цифрами и геометрическими фигурами. — При длине в сорок оргий и соотношении ширины к длине как один к пяти, с предлагаемой тобой системой балластных цистерн... это возможно. Теоретически. Но дерево... Такой длинный брус из кедра или дуба будет работать на изгиб как тетива лука. Первый же шторм в Атлантике, о которой ты говоришь, разорвет его.

— Значит, нужно не одно дерево, — сказал Ганнибал. Он сделал знак сопровождавшему его Мато. Тот внес и положил на стол тяжелый сверток, обернутый в кожу. Развернув, Ганнибал вынудил присутствующих ахнуть.

Это была полоса металла. Не бронзы, а кованого железа, но не хрупкого, а удивительно упругого. По его команде два дюжих нумидийца из охраны взяли концы полосы, и Ганнибал, наступив ногой на ее середину, заставил их согнуть. Когда давление убрали, полоса с глухим звоном почти вернула форму.

— Сталь, — произнес он слово, которого в этом мире не знал никто. — Карбюризованное железо. Плавильные печи в Нории, у наших новых испанских рудников, уже работают по новым чертежам Адонирама. Это — продольные наборные связи. Каркас, внутрь которого вы встроите ваши деревянные шпангоуты. Не дерево будет держать корабль, а стальной скелет.

Наступила гробовая тишина. Даже Гиппократ лишился дара речи. Идея металлического каркаса для корабля была столь же чудовищной и революционной, как пушка для античного мира.

— Это... это дороже, чем корабль, набитый серебром! — выдохнул наконец Филон.

— А что такое весь корабль, набитый серебром, если он тонет в двух днях пути от Гадеса? — риторически спросил Калликрат, уже видевший мысленным взором торговые монополии. — Царь говорит о пути в Индию вокруг Ливии. О землях олова на севере, за Галлией. О чем мы спорим? О стоимости железа? У нас теперь есть вся Испания с её рудниками и все рудники Этрурии!

— Бой, — хрипло проговорил другой человек, молчавший до сих пор. Это был сиракузец, бывший офицер флота Гиерона. — Такой корабль без весел — мишень. Достаточно отряду быстрых либурн подойти с кормы, и всё.

Ганнибал улыбнулся. Это был тот вопрос, которого он ждал.

— Махарбал! — крикнул он.

Командующий всей кавалерией Конфедерации, привыкший к просторам, неуютно жался у входа в парусный шатер. Услышав зов, он выпрямился и жестом подозвал кого-то снаружи. Четверо его людей внесли и поставили на деревянный помост у стола нечто, накрытое холстом. Когда холст упал, члены Ареопага отшатнулись.

На помосте стояла уменьшенная, но идеально точная модель кормовой части «Титана». И по бортам ее, на специальных вращающихся лафетах, были установлены четыре бронзовых ствола — «Горных дракона» самого малого калибра.

— Артиллерийский катер, — сказал Ганнибал, и снова его речь была усыпана чужими, неизвестными словами, которые, однако, обретали страшную конкретность. — «Стрела». Вдвое меньше «Титана», с одним рядом весел для маневра. Его задача — сопровождать. А задача вот этих... — он хлопнул ладонью по холодному бронзовому стволу модели, — сделать из любой либурны, что осмелится подойти, решето. На дистанции, с которой они даже не смогут метнуть abordажные крючья.

В шатре воцарилось новое, ошеломленное молчание. Они видели действие «Драконов» под стенами Рима. Они слышали рассказы о том, как валились башни Нуманции. Но поместить эту адскую силу на качающуюся палубу корабля... Это было безумие. Или гениальность.

— Корабль, — медленно начал Гиппократ, впервые глядя на Ганнибала не как на завоевателя, а как на коллегу-изобретателя, — это живой организм. Он дышит, гнется, борется с волной. Пушка... она требует неподвижной, монолитной основы. Выстрел такой силы... он разобьет собственный борт.

— Значит, лафет должен гасить отдачу, — парировал Ганнибал. — Не жесткое крепление, а система с откатом и пружинами. И корпус вокруг оружейных портов нужно усилить. Вашей задачей, Мозговой центр морей, — он обвел взглядом всех собравшихся, — является не сказать «нет». А найти решение, как сделать это возможным. У вас есть все ресурсы Кон-

федерации. Все знания мира, которые я смог вам дать. Спроектируйте мне не просто корабль. Спроектируйте эпоху.

Он дал им понять масштаб. Он бросил вызов их профессиональной гордости. И увидел в их глазах — сначала у Гиппократа, потом у Филона, даже у скептического сиракузца — проблеск той же жажды, что двигала им самим. Жажды сделать то, чего не делал никто. Жажды выйти за границы известного мира, который после падения Рима и гибели Сципиона внезапно стал тесен.

Бритва на шелковой подушке

Он покинул верфь, оставив Ареопаг в состоянии лихорадочного, творческого хаоса. Возвращаясь в Рим, он проезжал мимо построенных по его указу общественных бань — символ нового равенства. Здесь мылся и галльский вождь, и карфагенский торговец, и римский плебей, чей мир рухнул, но чья жизнь продолжалась. Над входом была надпись на латыни, пунийском и греческом: «Чистое тело — ясный дух гражданина Конфедерации». Идеология создавалась из таких вот кирпичиков.

Во дворце, бывшей резиденции понтификов у подножия Капитолия (сам холм, частично обрушенный «Сердцем Горы», стоял как вечный, суровый памятник), его ждал брат, Гасдрубал. Лицо его было озабоченным. В руках он держал тонкий папирус.

— Плохие вести? — спросил Ганнибал, скидывая плащ.

— Не плохие. Запутанные. От отца.

Гамилькар, Баал-Картадашт Карфагена, правил из обновленного, послушного ему города. Но «послушный» не означал «спокойный».

— Совет Ста Четырёх, даже преобразованный в Палату Городов, не дремлет, — прочел Гасдрубал. — Старая партия Ганнона, хотя ее лидеры уничтожены, шевелится в лице их дальних родственников и кредиторов. Они не осмеливаются выступить против отца открыто, но... они критикуют тебя.

— Предсказуемо. В чем обвиняют на этот раз?

— В расточительстве. «Золото Испании, добытое с таким трудом, уходит не на укрепление африканских владений, а на какие-то безумные железные корабли для плавания в тумане, где нет ни одной известной гавани». Они шепчутся, что ты, завоевав Рим, возомнил себя богом и хочешь бросить вызов самому Океану. И что это кончится гибелью флота и позором для Карфагена.

Ганнибал рассмеялся, но смех его был сухим. — Они по-прежнему мыслят категориями сиюминутной прибыли и страха перед любым риском. Они не понимают, что мы выиграли войну, но проигрываем мир. Что такое Карфаген сейчас? Сильный город в Африке, которому подчиняется Иберия и которым правит царь в Италии. Это неестественно. Это империя на двух ногах, и между ними — море. Мы либо построим третью ногу — флот, который сделает это море нашей внутренней дорогой, свяжет Карфаген, Рим и Гадес в единое целое, — либо нас разорвут.

— Отец это понимает, — кивнул Гасдрубал. — Он пишет, что сдерживает их пока золотом из той же Испании. Но он просит... осторожности. И результатов. Им нужен хоть один успех. Хоть один корабль нового типа, который вернется с чем-то осязаемым. Не с рассказами о туманах, а с мехами янтаря, как ты обещал, или с образцами пряностей.

— У них будет успех. Но не сразу. Скажи отцу, чтобы терпел. А этих... шептунов, — Ганнибал повертел в пальцах перстень с печаткой в виде феникса, символом его возрождения, — заставь шептаться на пользу нам. Пусть Калликрат через своих людей распространит слухи, что я ищу не просто путь на север, а легендарные «Оловянные острова», где металл валяется под ногами. Что первая же экспедиция окупит все затраты сторицей. Пусть их жадность работает на наш проект.

Гасдрубал улыбнулся, делая пометку на табличке. Он был идеальным администратором, серым кардиналом, превращающим грандиозные замыслы брата в исполнимые приказы.

Когда брат ушел, Ганнибал вышел на маленький внутренний дворик. Наступал вечер. Где-то на другом конце Средиземного моря, в Сиракузах, молодой и амбициозный тиран Гиероним, получив известия о падении Рима, наверняка лихорадочно совещался со своими стратегами. В Македонии царь Филипп V, связанный когда-то договором с Ганнибалом, теперь видел на западе не ослабленного врага, а новую, страшную силу. В Малой Азии Селевкиды пока заняты своими делами, но вести доходят и туда. Враги были. Они просто сменили вывеску.

Но самая большая опасность, как он знал, таилась не вовне, а внутри. В этом гигантском, рыхлом организме Конфедерации. В недоверии галльских вождей к карфагенским чиновникам. В затаенной ненависти римских патрицианских семей, чьи сыновья погибли при Каннах, а дома были конфискованы. В усталости его же собственных ветеранов, мечтавших о поместьях в Кампании, а не о новых походах в неизведанные моря.

Он посмотрел на запад, где за холмами скрывался Тибр и его «Кузница Нептуна». Корабль. Всегда корабль. Символ надежды и самого большого риска. Карфаген был городом мореплавателей, но они плавали от мыса к мысу, от гавани к гавани. Он же предлагал им отвернуться от берега и уйти в синюю пустоту, поверив в расчеты геометров, прочность стали и волю одного человека.

Он сжал в кулаке тот самый родовой медальон, что перенес его сознание сквозь века. Он был здесь, чтобы изменить историю. И он менял ее, день за днем, ударом молота, чертой на чертеже, приказом, подкупом, угрозой. Феникс возродился из пепла Рима. Но чтобы лететь, ему нужны были новые, неслыханно крепкие крылья.

Первое звено в бесконечной цепи — первый корабль нового флота — должен был быть заложен завтра на рассвете. И Ганнибал, гений Карфагена, знал, что лично будет держать в руках серебряный молоток, чтобы вбить первую медную заклепку в килевую балку «Титана». Начало новой эры всегда выглядело как обычная, будничная работа.

Где-то в тени портика шелестела туника. Мато, его тень и мастер тихой смерти, докладывал беззвучным жестом: все спокойно, владыка. Но в его глазах Ганнибал прочел ту же мысль, что витал в воздухе нового Рима: спокойствие это — лишь короткая передышка. Затихше перед выходом в открытое море.

Глава 2

Глава вторая: Сталь и кровь
Верфь «К»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.